

ТЕМА ИГОРЯ КВАШИ

На оренбургской афише «Современника» мы дважды прочли имя Виктора Розова. Даже трижды: автор инсценировки гончаровской «Обыкновенной истории» тоже он. Еще театр играет «Традиционный сбор», «От вечера до полудня». И первое слово, сказанное «Современником», было розовское — его «Вечно живые».

Если бы характер театра допускал хоть самый маленький «делезж» лавров, если бы самый пристальный взгляд мог различить хоть тончайшую трещинку в том, что коротко зовется актерским ансамблем, самым «розовским» актером «Современника» можно было бы назвать Игоря Квашу, заслуженного артиста РСФСР.

Актера, сказал в одном из своих печатных выступлений И. Кваша, «...всегда волнует какой-то круг проблем». Вспоминая созданное им на сцене «Современника», приходишь к выводу: не последняя среди них — естественность и желанность человеческого существования в мире доброты. Не к этому ли восходит в конечном итоге и каждая пьеса любимого театром драматурга?

Впрочем, для многих героев Игоря Кваша это уже не проблема, но единственно достойный и поэтому единственно возможный образ жизни. Причем не постанная доброта немощной покорности и не болезненная экзальтация жертвенности. Она — от завидного душевного здоровья и полноты существования. Она активна и бескомпромиссна к себе равно как и к другим.

Трудно проследить развитие этой актерской темы нам, видевшим обидно мало сценических созданий артиста. И все-таки попробуем...

В первом, столь знаменательном для театра спектакле — «Вечно живые» — И. Кваша вышел на сцену в роли Володи — мальчика-солдата, обязанного жизнью самоотверженности Бориса Бороздина. Здесь предельная мера исполнения человеческого долга — гибель за другого — выпала не его герою. Но то, что ее принял как

должное рядом идущий, стало для Володи нравственным уроком огромной силы. Навечно «осужденный» носить в себе боль и благодарность, он не просто спасен: в глубоком осознании своих обязанностей перед мертвыми и живыми он рожден заново. Все это вместила короткая сцена с Вероникой — и радость возвращения, горячий волной заливающую пережитое, и смятение души перед только теперь измененной жертвой Бориса, и постижение ответственности, зовущей оплатить свой долг людям.

Этот долг был оплачен, только в другом спектакле — «Два цвета» — и героя звали по-другому: Шуриком Горяевым. Он пал от ножа хулигана, бросившись без колебаний на крик о помощи, так — уже поступком — проповедавая необходимость круговой поруки добра.

Не возьмемся объяснять, чем зримо была передана исполнителем, но нами ощущалась преемственная связь меж этими двумя людьми. Может быть, они породнились в актере, несущем общественно важную тему так лично?

Сколько сценических версий насчитывает горьковский Лука! И все-таки Лука Кваша неожидана. Здесь не было самолюбивого стремления сыграть *по-своему*: артист сыграл *свое*. Его Лука в самом деле добр. Он понимает людей, их тоску по человеческому теплу и отвечает ей, как может. Свои простые истины, забытые товарищами по несчастью, потерянные в грязи и несправедливости жизни, он произносит с таким достойным спокойствием, такой убеждающей силой, что они бередят душу, вызывая желание и помогая заглянуть правде в глаза. И не было традиционного лгуна, и не было «утешителя». Была неколебимая убежденность в животворящей силе доброты.

Однако «на прямую связь» с нами в проповеди этой мысли актер вышел в спектакле, поставленном по пьесе Виктора Розова «От вечера до полудня».

Среди населяющих ее людей — а здесь есть и признанный писатель, и преуспевающий молодой ученый, и сотрудница советского посольства в Англии — Ким Жарков, тренер спортивной школы, в конкурсе жизненных аттестатов, если бы таковые существовали, мог бы предъявить только победы своих учеников да еще любовь и дружбу «на равных» своего взрослеющего сына. Он никогда не был первым и на беговой дорожке, говорит о Киме бывшая его жена, потому что «стеснялся» обойти товарища. И отец — писатель, и до сих пор любимая им Алла (теперь та самая сотрудница посольства), и, конечно же, рационалист (особенно в душевных трагедиях) Лева Груздев считают Кима неудачником, о чем говорят часто и пространно. Ким среди них — самый малоречивый. Но как много сумел сказать нам своим героем Игорь Кваша! Как понимали блестящие «призы» многих, добытые в лихорадочном беге по жизненной дорожке, все эти престижные профессии и дутые известности, рядом с внутренним благородством, душевным тактом, умным сердцем Кима...

Актер, будучи предельно скуп в средствах внешней выразительности, с исчерпывающей полнотой раскрывает перед нами постоянную внутреннюю работу, идущую в его герое. Точные нравственные ориентиры позволяют именно ему, а не интеллектуалам по профессии, не только заметить, но и точно назвать иных лидеров «беговой дорожки»: всадники. Всадники, несущиеся во весь опор и не видящие, куда их конь опускает копыта. Всем своим существом, каждым своим поступком Ким — против них.

Актер доказал моральное право Кима задать нам очень серьезный вопрос: с чем приходишь на беговую дорожку жизни? Он сделал и больше, убедил: его «ноша» не всегда легка, зато не подавляет, а, напротив, помогает распрямиться человеческому в человеке.

Е. ПАВЛОВА.

ЮЖНЫЙ УРАЛ
г. Оренбург
15 ИЮН 1975